

Сун Сюньнань обернулся.

По правде говоря, Сун Си был недурён собой: светлокожий, хрупкий, с аккуратными чертами лица. Когда он улыбался, его глаза сужались в полумесяцы — само очарование, так и подмивающее броситься на защиту этого беззащитного создания.

Однако рядом с Сюньнанем он мгновенно блёк. Тот усмехнулся — ярко, ослепительно, будто утреннее солнце пробилось сквозь грозовые тучи.

Сун Си, собравшийся было что-то сказать, при виде этой улыбки осёкся. Он застыл, не сводя взгляда с лица брата. В глубине его потемневших глаз промелькнуло нечто недоброе, но мысли его остались загадкой.

Наверху зашумели, и те, кто завтракал внизу, обратили на это внимание.

— Что там ещё стряслось? — раздался глухой, полный невольного величия голос Сун Цзюйвэй.

Сун Си только открыл рот, но дядя Сунь опередил его:

— Господин, молодой господин занял спальню третьего молодого господина. Тот только вернулся, не знал об этом и по ошибке зашёл в свою прежнюю комнату.

Сюньнань при этих словах слегка поморщился.

— Сяо Си, ты занял комнату третьего? — спросил Сун Цзюйвэй.

Сун Си метнул быстрый взгляд на дядю Суня и, растерянно засуетившись, принялся оправдываться:

— Дядя Сунь передал мне слова папы... Сказал, что я могу выбрать любую комнату, чтобы не чувствовать себя обделённым. Мне здесь очень понравилось, тут так светло. Я хотел дождаться брата и спросить его разрешения, но его всё не было, и я... я просто...

— И ты просто заграбастал её себе, — закончил за него Сюньнань.

— Прости меня, третий брат, — жалобно забормотал Сун Си.

Сун Цзюйвэй не спешил заступаться за любимчика. Поступок Сун Си и впрямь выглядел некрасиво. Как ни крути, нельзя вот так, без спросу, занимать чужую комнату, оставляя вернувшегося сына без крыши над головой. Если слухи об этом поползут наружу, люди подумают, будто в семье Сун тиранят третьего сына. Зачем им эти сплетни?

Наконец подала голос Сюй Цин:

— Раз уж комната так приглянулась тебе, Сяо Си, нужно было хотя бы предупредить брата.

— Прости, мама. Я сглупил, совсем не подумал о чувствах брата, — поспешно покаялся Сун Си.

«Поспешил», — мысленно обругал он себя.

Следовало действовать тоньше, шаг за шагом, как раньше. Но стоило ему об этом подумать, как он осёкся. Как «раньше»? И вообще, откуда он знал, какая именно комната принадлежит Сюньнаню, если никогда до этого не бывал в резиденции Сун?

Сюньнань молча наблюдал за этой семейной сценой, скрестив руки на груди.

Он вспомнил, что в прошлой жизни Сун Си не занимал его комнату так рано. Поначалу тот притворялся ласковым и заботливым названным братом, тогда как сам Сюньнань из-за своей глупости и упрямства всячески отталкивал его при родителях. Тем самым он лишь настраивал семью против себя, постепенно превращаясь в изгоя.

Почему в этот раз всё пошло иначе?

Возможно, в прошлой жизни он сразу же ушёл из дома на несколько дней и просто не застал этот инцидент. Впрочем, разгадывать мотивы Сун Си Сюньнаню не хотелось. Проблема была не в самой комнате, а в том, что тот занял её втихаря. Стоило ему спросить — и у него нашлась бы тысяча причин прибрать её к рукам.

— Сяо Нань, ну а ты что скажешь? — обратилась к нему Сюй Цин. — Поговори с братом, вы ведь родные люди, всегда можно договориться.

Сюньнань сделал вид, будто не заметил прозрачного намёка матери уступить. Он толкнул дверь спальни шире и вежливо пригласил Сун Си жестом:

— Что ж, братец, прошу.

Сун Си растерялся:

— Зачем?

Сюньнань небрежно опёрся о дверной косяк, засунув руки в карманы брюк:

— Ты ведь только что заливался соловьём, уверяя, как тебе неловко передо мной? Вот тебе

отличный шанс загладить вину — выметайся.

— Что?.. — Сун Си опешил от такой наглости.

Сюньнань приподнял бровь. Из-за жестокого недосыпа его терпение было на исходе. Он лениво указал пальцем на стоявшего неподалёку слугу:

— Помоги молодому господину. Он говорит, что у него слишком много барахла, сам не утащит.

— Я этого не говорил! — вспыхнул Сун Си.

Сюньнань резко шагнул вперёд. Его безупречно красивое лицо оказалось в опасной близости от Сун Си — тот даже разглядел его длинные, пушистые ресницы.

У Сун Си перехватило дыхание, вдоль позвоночника пробежал неприятный холодок.

Сюньнань смотрел на него в упор. Глаза его, глубокие и чёрные как бездна, казалось, не отражали ни единого лучика света. На мгновение в них вспыхнула такая ярость, что Сун Си показалось, будто его сейчас сотрут в порошок.

Но уже через секунду Сюньнань взял себя в руки. Он дружески похлопал опешившего парня по плечу и тут же отстранился, вновь приняв свой обычный помятый и вялый вид. Пропитанная табаком и алкоголем одежда всё ещё висела на нём мешком.

— Ну или давай так: если переезжать лень, я не против пожить в твоей обстановке. Только вещи свои завтра забрать не забудь.

С этими словами он развернулся, собираясь войти внутрь.

Поняв, что Сюньнань не шутит и действительно готов пользоваться его личными вещами, Сун Си стиснул зубы и преградил ему дорогу:

— погоди! Я перееду. Прямо сейчас.

— Сразу бы так, — хмыкнул Сюньнань.

Облокотившись на косяк, он лениво наблюдал, как слуги суетливо выносят пожитки Сун Си и заносят его собственные вещи. Постепенно сонливость как рукой сняло.

Переезд занял добрых два часа. К тому времени мужчины семейства Сун уже разъехались по делам, Сюй Цин отправилась на шопинг, и в огромном доме остались только двое братьев.

Сюньнань с удовлетворением оглядел преобразившуюся комнату, а затем с лёгкой улыбкой повернулся к Сун Си, который всё ещё стоял посреди коридора. Сюньнань небрежно указал на неприметную гостевую спальню в самом конце коридора:

— Твоя конура там, братец. Доброго пути.

Сун Си медленно коснулся плеча, которого только что касался Сюньнань, и долго смотрел на захлопнувшуюся дверь в тяжёлом молчании.

Проснулся он только в первом часу дня. Слуги стучали к нему в комнату, но Сюньнань, пребывая в полузабытьи, так и не поднялся, чтобы открыть.

Он нащупал телефон, который предусмотрительно поставил на беззвучный режим — иначе поспать бы ему точно не дали.

Экран светился от обилия новых сообщений. В этот раз он не стал стирать всё подчистую, а лениво пробежался глазами по списку.

В основном это были праздные расспросы от золотой молодёжи, жаждущей зрелищ. По-настоящему его судьбой никто не интересовался.

Приходилось признать: первая половина его жизни оказалась полным провалом. Рождённый с золотой ложкой во рту, он привык быть центром вселенной. Вокруг него всегда увивалась толпа фальшивых друзей, готовых лебезить ради выгоды. Сюньнань наивно полагал, что любим и уважаем — ровно до тех пор, пока правда о его происхождении не выплыла наружу.

Стоило ему лишиться статуса наследника, как мнимые товарищи испарились. Кое-кто из особо подлых и вовсе попытался смешать его с грязью, насмехаясь над его падением. Без поддержки влиятельной семьи Сюньнань превратился в ничто, но гордость не позволила ему смолчать. В тот день он устроил знатную потасовку, отправив шутников прямиком на больничные койки. Его безумная, отчаянная жестокость не на шутку напугала мажоров, и больше к нему никто не лез.

Среди прочих Сюньнань заметил гневную тираду от Хоу Второго, которого он так удачно оставил с носом. Тот прислал добрый десяток сообщений, и каждое последующее было агрессивнее предыдущего. Сюньнань, не раздумывая, отправил его в чёрный список.

Было и несколько уведомлений из университета: куратор просил зайти в деканат при первой возможности. Сюньнань коротко напечатал: «Хорошо».

На самом верху списка висел групповой чат на пятерых, предусмотрительно заглушённый.

Сюньнань долго всматривался в это название, но в итоге просто заблокировал экран.

Приведя себя в порядок, он вышел в коридор. В доме царила мёртвая тишина.

Услышав шаги на лестнице, Сун Си приоткрыл дверь своей новой комнаты — разумеется, он не остался в той каморке, а перебрался в спальню получше. Преградив Сюньнаню дорогу, он с фальшивым сочувствием произнёс:

— Третий брат, мне так неловко, что я занял твою спальню.

— Ничего страшного, я не в обиде, — легко принял извинения Сюньнань, хотя и понимал, что тот затевает очередную игру.

Он шагнул было к лестнице, но вдруг остановился и с мягкой, почти ласковой улыбкой посмотрел на растерявшегося парня. Хриплый спросонья голос прозвучал на удивление спокойно:

— В конце концов, тебе ведь не привыкать донашивать за мной обноски, верно?

Сун Си опешил:

— Что ты сказал?

В глазах Сюньнаня по-прежнему плясали смешинки, но улыбка на губах казалась откровенной издёвкой:

— Не думал, что ты в твои годы уже страдаешь глухотой.

— Ты!.. Третий брат, на что ты намекаешь?! — вскинулся Сун Си, но вовремя спохватился и понизил голос. Его пальцы так сильно впились в дверной косяк, что побелели ногти.

Сюньнань не удостоил его ответом и просто спустился на первый этаж, оставив брата наедине с его злостью.

Сун Си провожал его яростным взглядом, до крови прикусив губу.

— Молодой господин уходит? — раздался в холле голос дяди Суня.

Сюньнань кивнул и обратился к пожилому дяде Суню, который знал его с самого детства:

— Дядя Сунь, вы понимаете, чем вам грозит то заступничество перед отцом?

Выступив против Сун Си, старик сильно рисковал навлечь на себя его гнев.

Дядя Сунь лишь мягко улыбнулся, и у его глаз собрались глубокие морщинки:

— Я лишь восстановил справедливость, господин.

Сюньнань на мгновение замолчал, подбирая слова:

— Больше так не делайте. Я сам со всем разберусь.

Он вспомнил, что в прошлой жизни через два года после появления Сун Си у дяди Суня обнаружили рак, и родственники забрали его в деревню на лечение. С тех пор связь прервалась, и Сюньнань так и не узнал, выжил ли старик.

— И ещё... найдите время сходить к врачу, проверьтесь. Как бы ни были заняты, не забывайте о здоровье.

Дядя Сунь послушно кивнул и, глядя, как парень тянется за курткой, тихо заметил:

— Но ведь раньше, молодой господин, вам никогда не приходилось учиться давать сдачи.

Сюньнань на секунду замер, натягивая рукава куртки:

— Я пошёл.

Район университета В

Сюньнань и сам не до конца понимал, зачем приехал сюда. Об этом месте — старом жилом квартале, где когда-то жили его настоящие родители, — он случайно узнал в прошлой жизни от Сун Си. Университет находился совсем близко, но Сюньнань ни разу здесь не бывал.

Стыдно признать, но в прошлой жизни он повёл себя как последний эгоист. Всеми силами пытаясь заслужить одобрение семьи Сун, он упорно игнорировал существование родных по крови людей. Ему казалось, что если закрыть глаза на правду, то можно притвориться, будто он всё ещё любимый младший сын и брат.

Неудивительно, что окружающие считали его неблагодарной тварью, променявшей родных на богатство.

Сюньнань вышел из автобуса и с горькой усмешкой оглядел обшарпанные фасады пятиэтажек.

«Так тебе и надо, ничтожество», — мысленно выругался он.

Прошлая жизнь была сплошным ворохом глупых ошибок, и лишь пара вещей в ней оставалась кристально ясной.

Сун Си как-то упоминал, что их настоящие родители были профессорами в Университете В. Несколько месяцев назад они погибли в автокатастрофе, оставив сыну эту квартиру.

Из-за близости к студенческому городку здесь повсюду сновали молодые лица. Стены переулков пестрели граффити, а вдоль узких тротуаров теснились крошечные закусочные. На раскалённых плоских сковородах аппетитно шипели мясные лепёшки, наполняя воздух густым, уютным ароматом домашней еды.

Здесь пахло настоящей, бурлящей жизнью — совсем не так, как в стерильном загородном посёлке семьи Сун.

Ключи от квартиры остались у Сун Си. У Сюньнаня их не было, да и пришёл он сюда лишь для того, чтобы взглянуть на дом, где прошло детство его брата. Он бесцельно бродил по закоулкам, незаметно углубляясь в тихие дворы. Заметив закрывающуюся паровую лавку, он вспомнил, что с самого утра маковой росинки во рту не было. Купив два сочных баоцзы с тушёной свининой, он остановился у обочины и принялся неторопливо есть.

В два часа дня улицы обычно пустели — время сиесты. Сюньнань расправлялся со своим нехитрым обедом, когда из глубины глухого переулка позади донеслись яростные крики и отборная брань.

Кричали где-то в отдалении. Район был рабочим, контингент попадался разный, так что редкие прохожие даже ухом не вели. Сюньнань тоже не горел желанием ввязываться в уличные разборки, однако шум становился всё невыносимее, заставив его поморщиться.

Свернув за угол, он обнаружил вовсе не банальную стенку на стенку. Несколько парней плотным кольцом обступили толстого подростка в школьной форме и деловито пинали его ногами.

Услышав шаги, нападавшие настороженно обернулись, но при виде худощавого Сюньнаня мгновенно расслабились.

— Гляди-ка, ещё один задохлик припёрся.

— Вали отсюда, пока зубы целы, не то и тебе прилетит!

Сюньнань пропустил угрозы мимо ушей и невозмутимо подошёл к лежащему подростку. Оглядев его сверху вниз, он спросил:

— Живой?

Толстячок с трудом поднял голову и, преодолевая боль, кивнул.

Видя, что их в упор не замечают, хулиганы взбесились:

— Ах ты, тварь! Решил в героя поиграть? Ну держись!

— Слышь, а шмотки-то у него дорогие. Тряхнём и этого лоха!

— Навались, парни!

Убедившись, что парень дышит, Сюньнань резко развернулся. Летящий в лицо кулак он перехватил на лету, рванул на себя и со всей силы всадил колено в живот нападавшему. Тот со свистом выдохнул воздух и отлетел в кусты. Второму, уже замахнувшемуся для удара, Сюньнань безжалостно заехал костяшками в челюсть, перехватил его запястье и резко вывернул сустав. Раздался противный хруст.

Двигался он на удивление чётко и жестоко, не оставляя противникам ни шанса. Буквально за пару минут вся компания оказалась на земле. Не обращая внимания на корчащихся в грязи и скулящих от боли отморожков, Сюньнань повернулся к подростку:

— Поднимайся.

— О-ох... — парень жалобно запыхтел. — Тебе что, трудно руку протянуть?

Сюньнань одарил его ледяным взглядом:

— Вставай сам.

Ковыряясь и охая, толстяк поплёлся к стене, пытаясь опереться на кирпичную кладку. Вдруг глаза его расширились от ужаса, и он заорал на весь переулок:

— Берегись!

Один из побитых хулиганов успел подняться и теперь бросился на Сюньнаня со спины, сжимая в руке выкидной нож.

Сюньнань среагировал мгновенно. С разворота он выставил блок, пропустив удар по касательной — лезвие располосовало рукав куртки и зацепило предплечье. Не обращая внимания на вспыхнувшую боль, он окровавленной ладонью вцепился в плечо нападавшего, рванул руку врага назад, выворачивая сустав, а второй рукой ухватил его за волосы и со всей дури приложил лицом о кирпичную стену. Глухой, влажный треск заставил бы вздрогнуть любого случайного свидетеля. Нож со звоном отлетел на асфальт.

— С ножом, значит, балуешься? — процедил Сюньнань.

Он приподнял скулящего ублюдка за волосы и ещё раз впечатал его лбом в стену.

— Больно же! — взвыл тот, заливаясь соплями и кровью. — Братуха, пощади! Бес попутал, виноват! Зуб даю, больше не буду! Кровь же течёт, отпусти!

Сюньнань прижал его голову к шершавому кирпичу сильнее, холодно бросив:

— Заткнись.

Угроза подействовала мгновенно — парень испуганно затих.

Толстяк стоял в сторонке с разинутым ртом, глядя на своего спасителя круглыми от восторга глазами.

Благо перед тем как свернуть в подворотню, Сюньнань успел вызвать полицию. Патруль прибыл на удивление быстро. Правда, при виде лежащих пластом и стонущих тел стражи порядка долго не могли сообразить, кто здесь жертва, а кто нападавший.

К счастью, один из патрульных признал в зачинщике местного карманника и дебошира, которого давно пора было прижать. Сюньнань наконец разжал пальцы. Из глубокого пореза на предплечье сочилась тёмная кровь. Она струилась по бледной коже руки, собираясь на кончиках пальцев и тяжёлыми каплями падая на пыльный асфальт.

Офицеры быстро навели порядок. Сюньнаню наложили временную повязку и вкратце расспросили о случившемся. Обычная уличная стычка требовала лишь стандартного протокола в отделении, но рана оказалась глубокой и грязной. Чтобы избежать заражения, Сюньнаню настоятельно рекомендовали немедленно ехать в больницу за прививкой от столбняка.

Раздражённый тем, что из-за чужой глупости умудрился пострадать сам, он нервным движением зачесал влажную чёлку назад.

Ближайшая крупная больница находилась буквально в паре кварталов. Сюньнань вежливо отказался от сопровождения полиции. Спасённый им малый тоже порывался поехать следом, но после одного ледяного взгляда Сюньнаня покорно притих.

Добравшись до приёмного покоя на такси, Сюньнань отстоял очередь, оформил карту и зашёл в процедурный кабинет. Когда он наконец вышел оттуда, его правое предплечье от локтя до запястья скрывалось под плотным слоем белоснежных бинтов. От потери крови и нервного напряжения лицо его слегка осунулось и побледнело. Теперь оставалось лишь получить выписанные лекарства.

Вдруг тишину больничного холла прорезал яростный, надрывный крик. С уличной стороны доносился нарастающий гул.

— Вы убили моего отца! Палачи в белых халатах! Я засужу вас, по миру пушу, вы мне до копеечки всё выплатите!

— Мужчина, успокойтесь! Следите за словами, вашим обвинениям нужны доказательства!

— Доказательства?! Мой старик в гробу лежит — вот вам лучшее доказательство!

Сюньнань скользнул равнодушным взглядом по толпе и отвернулся. Ему не было дела до чужих разборок — сегодняшний урок с уличной дракой он усвоил отлично. Забрав из аптечного киоска пакет с медикаментами, он перехватил его здоровой левой рукой и направился к выходу.

Тем временем скандал разгорался с новой силой. Вокруг спорящих стремительно росла толпа зевак. Прокладывая себе путь к дверям, Сюньнань то и дело негромко бросал: «Разрешите», «Дайте пройти». Протискиваясь сквозь людской заслон, он невольно бросил взгляд на эпицентр событий.

Разъярённый мужчина пришёл не один — за его спиной выстроилась внушительная группа поддержки крепкого телосложения. Больничная охрана явно не справлялась с напором: у пары секьюрити уже были разбиты лица. На помощь подоспели дежурные врачи, безуспешно пытавшиеся воззвать к здравому смыслу наступающей толпы.

Однако внимание Сюньнаня привлекли не дерущиеся. Его взгляд зацепился за высокую, стройную фигуру в безупречно чистом медицинском халате, стоявшую в самом центре этого хаоса. Человек этот казался абсолютно чуждым происходящему безумию — настолько спокойным и отрешённым было его лицо.

Словно почувствовав чужой интерес, незнакомец поднял голову. Его холодные глаза мгновенно отыскивали в пёстрой толпе Сюньнаня, чья внешность всегда выделялась из общей массы.

Их взгляды встретились. Два ледяных, пронзительных взора — и трудно было сказать, чей казался более безразличным к миру. словно два кубика льда, брошенные на дно бокала в жаркий летний день, они беззвучно исходили колким, колючим холодом.

Отвлёкшись, Сюньнань пропустил сильный толчок в плечо и покачнулся. Когда же ему удалось вернуть равновесие, он с раздражением обнаружил, что людской поток вытолкнул его в самую гущу событий. Тот самый безумный дебошир, требующий крови врачей, теперь стоял вплотную к нему, брызжа слюной во все стороны.

Сюньнань попытался было отступить назад, но в этот момент скандалист окончательно слетел с катушек. Выхватив откуда-то пустую пивную бутылку, он с диким воплем: «Жизнь за жизнь!» ринулся вперёд.

Толпа качнулась, увлекая Сюньнаня за собой. Он неловко споткнулся, но чья-то крепкая рука сзади вовремя удержала его от падения. С трудом восстановив равновесие, он вскинул голову и увидел прямо перед своим лицом летящее стеклянное донышко.

— Блять! — даже при его безупречном воспитании сдержать ругательство было выше его сил.

Похоже, сегодня он точно забыл свериться с гороскопом.

<http://bllate.org/book/19928/1984900>